

Перед глазами поплыли пейзажи — чужие и в то же время до боли знакомые. Е Цзюньшу не мог удержаться и с любопытством озирался по сторонам: частная школа почти не изменилась, всё было в точности как в его воспоминаниях.

Дом учителя стоял прямо по соседству со школой. Дворик был небольшим, но благодаря стараниям шиму (супруга учителя) выглядел необычайно изысканно. Если во дворе Цзюньшу всё было засажено овощами, то здесь благоухали цветы и зелень — совсем другой настрой.

Едва Е Цзюньшу и Цинь Яолян переступили порог дома, как изнутри в них что-то полетело.

Оба среагировали мгновенно: один — влево, другой — вправо. Снаряд просвистел прямо между ними и с глухим стуком упал на землю. Почти в тот же миг из дома донесся яростный рев:

— Неблагодарный сын! Еще смеешь возвращаться?!

Цинь Яолян подобрал «оружие», которым их атаковали, и преспокойно засеменил внутрь:

— Батюшка! Погодите гневаться, посмотрите-ка, кого я привел!

Цзюньшу вдруг почувствовал необъяснимое волнение. В памяти всплыл образ учителя: вот он строго наставляет его в науках; вот он, не страшась трудностей пути, спешит в деревню Ецзя, пытаясь убедить ученика не бросать занятия; а вот его полные боли и сожаления глаза, когда он узнает, что тот больше не вернется в школу...

Учителя звали Цинь Кантай. Он получил звание цзюйжэня (вторая ученая степень) еще в двадцать восьмой год правления под девизом Синъюань. Поговаривали, что из-за своего слишком прямолинейного характера он не умел идти на компромиссы и, будучи в столице в академии Гоцзыцзянь, умудрился задеть каких-то власть имущих. Никто толком не знал, что там произошло, но с тех пор учитель больше не ездил в столицу и не пытался сдавать экзамены на высшие степени. Он решил посвятить себя родному краю: открыл частную школу и стал наставником для многих поколений учеников.

Цинь Кантай был человеком чрезвычайно суровым. Из-за привычки постоянно хмуриться на его лбу прорезались глубокие морщины, а уголки рта всегда были опущены — он почти никогда не улыбался. Когда он размашисто вышел навстречу, в его руке была зажата линейка для наказаний. При виде этого предмета у Е Цзюньшу рефлексивно заныли ладони — в свое время ему не раз доставалось за провинности...

— Ученик приветствует учителя! — Цзюньшу шагнул вперед, собираясь опуститься на колени.

— Цзычжоу? — Кантай замер перед ним, тут же подхватил под локти, не давая преклонить колени, и принялся внимательно разглядывать.

— Ваш нерадивый ученик прибыл, — голос Цзюньшу дрогнул от волнения.

— Хорошо... Хорошо! — Учитель часто закивал, явно будучи не менее растроганным. — Пришел — и ладно.

Цинь Яолян, стоя в сторонке, весело подмигнул другу.

— А ты — марш в комнату! Пропишешь пятьсот листов каллиграфии. Пока не закончишь, и не думай выходить! — Кантай сурово глянул на ухмыляющегося сына.

— Только не это! Мы же еще не пообедали! — картинно завопил Яолян и поспешно юркнул в дом. Учитель лишь в сердцах дернул бородой от такой дерзости.

— Это Цзычжоу пришел?

Из внутренних комнат вышел гэр средних лет. Это был шиму, супруг учителя. От него веяло спокойствием и книжной мудростью; время почти не тронуло его — за три года он совсем не изменился. Он ласково посмотрел на юношу, которого не видел столько лет.

— Похудел. — Приходи теперь почаще. Твой учитель хоть и молчит, но в душе очень по тебе тосковал, — добавил шиму.

Е Цзюньшу с улыбкой кивнул.

— А где же остальные дети?

— Сегодня я приехал в спешке, но в следующий раз обязательно привезу младших познакомиться с вами.

Поговорив немного с Цзюньшу, шиму отправился на задний двор. Раз гости еще не пообедали, ему нужно было приглядеть за готовкой.

Учитель, поглаживая бороду, помолчал какое-то время и произнес:

— Позже зайди ко мне в кабинет, — после чего, не выпуская линейки из рук, удалился.

Е Цзюньшу присел на стул и отхлебнул воды. Вскоре из-за угла высунулась голова Цинь Яоляна:

— Отец ушел?

Цзюньшу лишь иронично вскинул бровь.

— Хе-хе! Ну я же говорил! Стоит отцу увидеть тебя, и он сразу забудет о наказании! — Яолян в пару прыжков оказался рядом с другом, сияя от самодовольства.

— А я вот отчетливо помню, как учитель только что велел тебе прописать пятьсот листов каллиграфии, — заметил Е Цзюньшу.

Цинь Яолян осекся: — ... — Ой, давай не будем о грустном, — он отмахнулся, а затем, воровато оглядевшись по сторонам и убедившись, что лишних ушей нет, заговорщицки прошептал: — У тебя бумага и тушь еще остались?

Цзюньшу вскинул бровь, сразу смекнув, к чему клонит друг:

— Есть. Не переживай, запасов хватит.

В прошлые годы, когда они переписывались, старший брат вечно думал, что Цзюньшу пишет короткие письма из экономии. Поэтому он то и дело присылал вместе со своими посланиями целые кипы чистой бумаги, и никакие возражения не помогали.

— Если будет не хватать — только скажи! Батюшка как раз третьего дня выдал...

— О чем это вы тут шепчетесь? — шиму вышел из кухни с блюдом в руках и, застав братьев за секретными переговорами, невольно рассмеялся.

— Ни о чем, решительно ни о чем! — Яолян замахал руками и подскочил к аму, чтобы перехватить поднос.

— Аму, ну что вы так много спрашиваете?

— Эх, ты! — шиму легонько щелкнул сына по лбу. — Пора бы тебе стать посерьезнее. Отец увидит твоё легкомыслие — опять ворчать станет.

— Хе-хе! Зато у меня есть вы, аму! — Яолян принялся ластиться к родителю, выпрашивая порцию ласки.

На стол подали четыре сытных блюда и суп. Шиму, понимая, что в его присутствии Е Цзюньшу может стесняться, увел слугу и оставил парней одних. Двое молодых людей принялись за еду с таким аппетитом, что вскоре от угощения не осталось и следа. Цинь Яолян довольно погладил живот и сыто выдохнул. Е Цзюньшу посидел еще немного, а затем, предупредив друга, направился к кабинету учителя.

Он часто бывал здесь раньше: они с Яоляном не раз переписывали тут каноны под строгим присмотром, так что дорога была знакома до каждого камушка. Подойдя к дверям, он негромко постучал.

— Войди.

Цзюньшу толкнул дверь, вошел и плотно прикрыл её за собой. За столом сидел учитель. С крайне серьезным видом он выводил иероглифы. Когда Цзюньшу подошел, старик поднял взгляд и указал на чистый лист бумаги.

— Напиши-ка что-нибудь, я посмотрю.

Е Цзюньшу замер: — ...

Он не брал кисть в руки для серьезного письма уже несколько лет. Делать было нечего — он выбрал кисть поудобнее и вывел четыре иероглифа: «Покой рождает ясность».

Цинь Кантай к тому времени уже отложил свою кисть и внимательно наблюдал за движениями ученика. Его брови постепенно сдвигались к переносице. Цзюньшу положил кисть, чувствуя, как лицо заливают краска стыда. Учитель воздержался от комментариев.

Осмотрев написанное, он перешел к проверке знаний классики — «Четверокнижия» и «Пятикнижия». Было очевидно, что он знает о рукописях, которые Яолян передавал Цзюньшу.

После канонов последовали вопросы по теории, сочинение стихов и блиц-опрос. Под этим обстрелом Е Цзюньшу быстро растерял былую уверенность: сначала отвечал бойко, потом начал запинаться, а под конец едва подбирая слова. К моменту завершения «экзамена» на его лбу выступила испарина. Цинь Кантай тяжело вздохнул: «Такой талант пропадает!»

Цзюньшу уже приготовился к нагоняю, но учитель лишь печально качнул головой: — Ты упустил четыре самых важных года, когда закладывается фундамент знаний. Если надумаешь вернуться к экзаменам, тебе придется несколько лет вгрызаться в книги, чтобы наверстать упущенное. Только лет через семь-восемь появится надежда получить звание сюэца. А при доле везения, может, и цзюйжэня.

Сердце Кантая обливалось кровью. За долгие годы преподавания Е Цзюньшу был самым одаренным учеником из всех, кого он встречал. Учитель возлагал на него огромные надежды и даже планировал, что после получения первой степени порекомендует его старым друзьям в высшие академии или даже в столичный Гоцзыцзянь. Светлое будущее было так близко... Поэтому он и не брал Цзюньшу в официальные ученики «внутреннего круга» — боялся, что его собственных знаний не хватит для такого дарования, и надеялся передать его более маститым наставникам. И вот теперь... Если бы Цзюньшу выложил на полную, шанс бы еще остался, но старик видел: мысли юноши сейчас заняты совсем не науками.

Сам Цзюньшу разочарования не чувствовал. К карьере чиновника он не стремился. Странно, но даже сильнейшая привязанность «прежнего» Е Цзюньшу была направлена на заботу о братьях, а не на амбиции. Он опустил глаза и торжественно произнес:

— Учитель, если в будущем представится возможность, я попробую свои силы. Но на данном этапе я не могу об этом думать.

Для него жизнь малышей была важнее.

— Однако, учитель... у меня есть двоюродный брат. Мальчик смысленный. Я сам обучил его азам, но для более глубоких знаний моих сил не хватит. Не могли бы вы... — Цзюньшу замялся.

Услышав это, Цинь Кантай первым делом разразился тирадой:

— Вздор! Сам неуч, в голове ни капли знаний, а уже лезешь других учить? Только людей портишь! — Помолчав и заложив руки за спину, он добавил: — Приведи его как-нибудь, я

посмотрю. Если окажется толковым — возьму. Если нет — и не проси.

— Благодарю. Если ребенок не приглянется вам, у меня и совести не хватит настаивать, — почтительно ответил Цзюньшу.

Кантай прищурился — видимо, сейчас Е Цзюньшу его просто раздражал своим упрямством, — и вскоре взмахом руки велел ему уходить.

Выйдя из кабинета, Цзюньшу прошел всего несколько шагов и заметил за углом знакомый край одежды. Подойдя ближе, он обнаружил свернувшееся у стены «нечто». Присмотревшись, он понял: старший брат заснул прямо на полу, привалившись к стене. Если подойти совсем близко, можно было даже услышать молодецкий храп...

Стоит ли его будить? Если учитель выйдет и застанет его в таком виде, последствия будут плачевными. Цзюньшу решил вмешаться. Он наклонился к самому уху сони и негромко, но резко бросил:

— Учитель идет!

Яолян подскочил как ошпаренный, испуганно озираясь:

— Где?! Где он?!

Прошло несколько секунд, прежде чем он понял, что отца нигде нет. Он преувеличенно громко выдохнул и наткнулся на смеющееся лицо Цзюньшу.

— Ах ты, Цзычжоу! — Он тут же набросился на друга, зажав его шею локтем. — И это твоя благодарность? Я тут его жду, а он меня пугает! — И он уже приготовился пустить в ход «костлявые когти», чтобы защекотать Цзюньшу до полусмерти.

— Тише! Учитель всё еще в кабинете! — быстро перебил его Цзюньшу.

Он указал на двери кабинета в паре метров от них. Столь близкое соседство означало, что если они разшумятся, учитель непременно всё услышит. Цинь Яолян боязливо покосился на дверь, опасаясь, что батюшка вот-вот выйдет. Поэтому оба на цыпочках прокрались прочь и выскользнули в переднюю залу.

Е Цзюньшу взглянул на небо — день клонился к вечеру, и он решил, что пора откланяться.

Яоляну ужасно не хотелось его отпускать:

— Так скоро? Еще ведь рано, посиди еще немного!

— Нет, уже пора. Мне еще нужно кое-что купить, да и в час Петуха (к пяти вечера) надо быть на месте, чтобы успеть на воловью повозку до деревни. — С этими словами Е Цзюньшу огляделся. — Где моя корзина?

— Внутри, сейчас принесу! — Яолян вихрем метнулся в комнату и вынес корзину, которую бросил там ранее. — Может, я с тобой схожу, помогу с покупками?

— Не стоит. Я быстро всё возьму и сразу в путь. А ты лучше иди каллиграфией занимайся, не то учитель снова разгневается.

Яоляну всё равно было горько расставаться так быстро — он ведь относился к Цзюньшу как к родному младшему брату, а увиделись они впервые за столько лет. Не будь Е Цзюньшу в трауре (когда принимать гостей в доме не положено), он бы давно сам тайком сбежал в деревню Ецзя его навестить.

— Когда ты снова будешь в городе? Обязательно заходи ко мне! — Он запнулся, и его глаза вдруг блеснули. — А хочешь, я сам к тебе приеду!

Е Цзюньшу, копясь в корзине, рассеянно кивнул:

— Как пожелаешь.

Параллельно он начал вынимать принесенные гостинцы и выкладывать их на стол.

— Это еще что? — Яолян с любопытством поднял ярко-красный плод размером с фалангу пальца.

— Это лесные травы, что я накопал вчера в горах, и дикие ягоды. Мясо в такую жару я везти не рискнул, оно бы испортилось, а это всё лесное, свежее. Я помню, что шиму в эту пору часто страдает от духоты и теряет аппетит. Если из этих трав сварить отвар или добавить их в суп, аппетит вернется. А таких ягод на рынке не сыщешь, попробуйте, они очень вкусные.

Пока Цзюньшу объяснял, Яолян уже закинул ягоду в рот и разжевал. Сок брызнул на язык — кисло-сладкий, терпкий и на удивление приятный. Он потянулся было за второй горстью, но Е Цзюньшу шлепнул его по руке:

— Сначала вымой!

— Ишь, чистотой брезгует.

Цзюньшу как раз раздумывал, стоит ли идти прощаться с шиму, как тот сам вошел в комнату, держа в руках сверток.

— Цзычжоу, ты уже уходишь?

— Шиму, — поздоровался юноша. — Да, время позднее, пора вашему ученику возвращаться домой.

Заметив, что взгляд шиму упал на гору гостинцев на столе, Цзюньшу повторил то же, что только что объяснял Яоляну. На губах шиму заиграла кроткая улыбка, он одобритительно кивнул:

— Какой ты внимательный. — Он протянул Цзюньшу увесистый и красиво упакованный сверток. — А это угощение я приготовил сегодня утром. Возьми с собой, пусть дети полакомятся.

Цзюньшу не стал отказываться:

— Благодарю вас, шиму. — Ну, я пойду. Как выкрою время, обязательно навещу вас и учителя.

— Будем ждать.

Под тоскливым взглядом Цинь Яоляна Е Цзюньшу закинул корзину на спину и покинул дом учителя. Солнце всё еще стояло высоко, но юноша чувствовал — час Петуха близок. Он прибавил шаг, направляясь к рынку.

Отыскав мясные ряды, он огляделся. Свиной торговали всего двое: у одного прилавок был почти пуст, а у другого мяса оставалось еще порядочно. Цзюньшу инстинктивно направился к тому, где выбор был больше, но, увидев свирепое лицо торговца, на миг замешкался. «Не из-за его ли физиономии у него так плохо покупают?» — промелькнуло в голове.

Не успел он подойти, как этот «разбойник» оскалился в улыбке и зычно пробасил:

— Эй, парень! Возьми мяса! Сегодняшний забой, свежак! — В сочетании с огромным тесаком в его руке зрелище было... впечатляющим.

Цзюньшу едва не пустился наутек, но заставил себя стоять на месте и как можно естественнее спросил:

— Почему продаете?

Услышав интерес, мясник оживился еще больше, махая тесаком так, что ветер свистел:

— Эх! Вижу, малый ты справный, так и быть: сало по тринадцать монет за цзинь (около 500г), грудинку — по одиннадцать, а постное — по девять. Ну как, дешево? Сколько взвесить?

Е Цзюньшу прикинул — и правда, на монету дешевле, чем обычно. Выгодно. Подавив желание сбежать, он внимательно осмотрел товар: свинина действительно была свежей.

— Тогда давайте пять цзиней сала, три — грудинки и один — постного.

— Будет сделано! — Мясник просиял: крупный заказ! Он принялся ловко рубить мясо, попутно завязывая разговор: — Лицо у тебя незнакомое. Откуда будешь?

— Из деревни Ецзя, — ответил Цзюньшу.

— А, Ецзя! Знаю, хорошее место! Ваши деревенские часто ко мне заглядывают. Как за мясом — так сразу ко мне! А тебя я что-то раньше не видел.

— Не получалось раньше выбраться, — уклончиво ответил Цзюньшу, разглядывая прилавок в поисках чего-нибудь еще.

— А-а, ну бывает, — не стал допытываться мясник.

— Хозяин, а эти кости почему? — Цзюньшу указал на грудку свиных костей в углу.

— Эти-то? Да за две монеты всё забирай. — Мясца на них почти не осталось, но некоторые покупали их поварить для мясного духа. Раз парень взял столько мясца, можно и уступить.

— Беру все.

— Идет!

Мясник сложил мясца и осклабился:

— С тебя сто девять монет.

Цзюньшу быстро пересчитал в уме — всё верно. Он достал кошелек, отсчитал медяки и передал торговцу. Тот, видя, что парень собирается грузить всё в корзину, радушно помог всё уложить и добавил:

— Заходи еще, парень!

Е Цзюньшу улыбнулся:

— Обязательно.

Попрощавшись, он поспешил на место сбора.

Уже подходя к иве, он вспомнил, что планировал купить еще кучу всего, но времени уже не оставалось. «Ну и ладно, куплю в следующий раз. Всё равно придется ездить в город часто», — успокоил он себя. Он запрыгнул в повозку в последний момент.

Когда волю довели их до деревни, солнце уже скрылось за горизонтом, оставив на небе лишь багряные отсветы заката. Е Цзюньшу расплатился, попрощался с односельчанами и бегом припустил к дому. Весь день его не было. Как там его малыши?

Издали он заметил Сяо Шаня: тот стоял у ворот, вытягивая шею и нетерпеливо расхаживая взад-вперед в ожидании.

У Е Цзюньшу екнуло сердце, и он прибавил ходу.

— Сяо Шань!

— Старший брат! Ты наконец-то вернулся! — Сяо Шань радостно бросился ему навстречу.

— Что случилось? Дома что-то стряслось? — встревоженно спросил Цзюньшу.

— Дома всё в порядке, — Сяо Шань на ходу подхватил корзину брата. — Просто... мы никак не можем унять У-ва и Лю-ва. Скорее иди к ним!

Услышав, что беды не случилось, Цзюньшу выдохнул, но новость о капризах близнецов заставила его поспешить в дом.

Внутри, к счастью, криков слышно не было. На расстеленной циновке сидели У-ва и Лю-ва, вяло перебирая деревянных лошадок. Вид у них был совершенно понурый. Услышав шаги, двое одинаковых карапузов разом повернули головы и, увидев Е Цзюньшу, синхронно выпятили нижние губы. Глаза их вмиг налились слезами, и они, задрвав головы, во весь голос зашлись в плаче.

— Ну-ну, маленькие, не плачьте! Брат вернулся... — Цзюньшу, весь в поту, подбежал к ним и сгреб обоих в охапку, принимаясь баюкать.

Голоса у детей были совсем охрипшие — видать, за день они заходились криком не раз. У Цзюньшу сердце обливалось кровью от жалости.

Оказавшись в надежных руках старшего брата, У-ва всхлипывал и обиженно икал:

— Блатик... у-у-у... блатик... пропал!

Лю-ва вторил ему сквозь слезы:

— Не видели блатика...

— Ну вот же я, вернулся! Ну-ка, вытираем носы... А то станете некрасивыми, — ласково приговаривал Цзюньшу.

Близнецы всё никак не могли простить обиду. Завидев входящего Сяо Шаня, они тут же принялись жаловаться:

— Втолой блатик плохой! Обманул У-ва!

Лю-ва тоже выдвинул обвинение:

— Плоснулись — а блатика нет!

У-ва: — Покушали — а блатика всё нет!

Лю-ва: — Опять плюснулись — и опять нет!

Сяо Шань лишь развел руками. Он сделал всё, что мог. Чем старше становились близнецы, тем хитрее они были — их уже не так просто было провести. То, что они продержались без истерик до самого вечера, уже было его личной победой.

Е Цзюньшу рассмеялся и расцеловал малышей:

— Второй брат не обманывал вас, вот же я — перед вами.

В душе он и сам корил себя: близнецы с рождения не разлучались с ним надолго. Обычно он уходил ненадолго и быстро возвращался, а тут его не было целый день — конечно, они разволновались.

Цзюньшу велел Сяо Шаню достать сверток из корзины, вынул две лепешки и протянул детям:

— Смотрите, что брат вам принес! Сладкое и очень вкусное!

Близнецы уставились на угощение красными от слез глазами, взяли лакомство крохотными ручками и откусили по кусочку. Почувствовав любимый вкус сахара, они мигом затихли и принялись усердно работать челюстями, издавая довольное «ам-ням-ням».

Наконец-то удалось их утихомирить. Е Цзюньшу утер пот со лба.

Он подозвал остальных братьев и раздал каждому по кусочку. Потрепал по головам Лу-гэра и Цинь-гэра, а маленького Цинь-гэра даже приобнял:

— Я дома.

Лу-гэр улыбнулся: — С возвращением, брат.

Цинь-гэр вцепился в край одежды Цзюньшу, ища защиты, и принялся маленькими кусочками смаковать сладость.

— Я сегодня навещал учителя, это угощение приготовил его супруг. В этот раз я очень торопился, но в следующий раз обязательно куплю вам еще чего-нибудь вкусного, — пообещал Е Цзюньшу.

— Ничего страшного, твои дела важнее, — рассудительно отозвался Лу-гэр.

Сяо Шань тоже вставил слово:

— Да... м-м-м... брат, ты тоже попробуй, очень вкусно...

— Ешьте, раз нравится, там еще много, — улыбнулся Цзюньшу.

Успокоив детей, он отправился на кухню. Нужно было разобраться с мясом: вытопить жир из сала, из части грудинки и постного мяса сделать фарш для лепешек, а остальное Лу-гэр должен был потушить в соевом соусе. Кости он поставил вариться для бульона. Готовое тушеное мясо он решил припрятать, чтобы растянуть его на несколько дней.

Близнецы, не видевшие брата весь день, теперь превратились в его «хвостики». Они следовали

за ним по пятам, не спуская глаз: куда бы ни шел Е Цзюньшу, они семенили следом — лишь бы брат всегда оставался в поле зрения.

<http://bllate.org/book/15226/1354173>